

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.32>

Будажалова Лариса Батуевна

Деривационное развитие заимствованных буддийских терминов в бурятском языке (на материале аффиксального словообразования)

Данная работа посвящается изучению словообразовательных возможностей заимствованных буддийских терминов. В статье поднимается вопрос влияния тибетских буддийских терминов на формирование лексического фонда бурятского языка. Заимствованные лексемы адаптировались к новой среде разными путями: либо путем расширения своего семантического объема, либо путем собственного словотворчества. Автор приходит к выводу, что словообразование от тибетских основ с использованием бурятских аффиксов является наиболее результативным способом пополнения лексического фонда бурятского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 161-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

26. Станица Калининская и Калининский район: телефонный справочник. Тверь: Факториал-Принт, 2005. 176 с.
27. Супранская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
28. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
29. Темрюк и Темрюкский район: телефонный справочник. Тверь: Факториал-Принт, 2005-2006. 288 с.
30. http://1000names.ru/reiting_muzhskih_imen_2015 (дата обращения: 30.09.2019).
31. <https://22oa.ru/timofeev-familiya/> (дата обращения: 30.09.2019).

Synchronic and Diachronic “Portrait” of Personal Name in Regional Onomastic Space (“Тимофей” Name in the Kuban Onomasticon)

Belyaeva Marina Yur'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
fliny@mail.ru

Within the framework of the synchronic-diachronic approach to studying personal names in the regional onomasticon, the author identifies relevance of “Тимофей” name for the Kuban Russian-Ukrainian onomastic space. Originality of the study is conditioned by integrative use of linguo-culturological, psycho-linguistic, linguo-geographical, structural-cluster approaches. For the first time, the author develops a word-formative cluster of the Kuban names derived from “Тимофей”. The conclusions are justified by linguo-geographical data for the period from the middle of the XVIII century till nowadays. The psycho-linguistic experiment allows revealing dynamics of the anthroponym perception in the region.

Key words and phrases: regional onomastics; linguo-culturology; anthroponym; word-formative cluster; precedence.

УДК 8; 81:811.512.31

Дата поступления рукописи: 02.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.32>

Данная работа посвящается изучению словообразовательных возможностей заимствованных буддийских терминов. В статье поднимается вопрос влияния тибетских буддийских терминов на формирование лексического фонда бурятского языка. Заимствованные лексемы адаптировались к новой среде разными путями: либо путем расширения своего семантического объема, либо путем собственного словотворчества. Автор приходит к выводу, что словообразование от тибетских основ с использованием бурятских аффиксов является наиболее результативным способом пополнения лексического фонда бурятского языка.

Ключевые слова и фразы: заимствования; бурятский язык; буддийские термины; тибетский язык; аффиксальное словообразование; расширение семантического объема; продуктивные суффиксы.

Будажапова Лариса Батуевна, к. филол. н.

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
budlara@mail.ru

Деривационное развитие заимствованных буддийских терминов в бурятском языке (на материале аффиксального словообразования)

Исследование буддийской лексики как части словарного состава бурятского языка приобретает особую актуальность в последнее время, когда в современном бурятском обществе происходит всплеск интереса к национальной культуре и языку. Истоки духовности бурят трудно представить без мифологических, фольклорных, традиционных верований, которые напрямую связаны с буддийским мировосприятием и миропониманием. В связи с чем в лексике бурятского языка немало слов, относящихся к отвлеченным и культурным понятиям, отражающим «историческое прошлое монголоязычных, да и не только монголоязычных, народов, когда их духовная культура и отрасли знаний развивались под покровом религии» [8, с. 498]. Таким образом, лексика бурятского языка обнаруживает довольно сложный по происхождению словарный состав, немалую часть которого составляет заимствованная лексика, отразившая путь исторического развития буддизма среди бурят.

Основной состав заимствованных буддийских лексем бурятского языка составляют заимствования из тибетского языка, в чем, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «сказался однобокий характер тибетского влияния на монголов» [Там же]. Наряду с тибетским, интегрирующее значение для бурятского языка имеет, безусловно, и санскритский язык.

Следует отметить, что путь большинства вливающихся в бурятский язык буддийских заимствований из тибетского, санскритского пролегал через монгольский язык, в фонд бурятского языка они попадали из письменно-монгольского в обработанном виде. Известно, что ещё в XVI-XVIII веках монголы перевели основные философские и мировоззренческие ритуальные трактаты с санскрита и тибетского на родной язык, приспособили Ганжур и Данжур, многочисленные *сутры, аведаны, джатаки, тантры*, снабдили их

комментариями на разговорном и письменном языке халха-монголов, что облегчило проникновение буддийской лексики в бурятский язык: бур. *divaaжан* «край» < стп.-м. *divajinq* < тиб. *bde-ba-can* «рай Будды Амитабхи»; бур. *дамаари* «ламский барабанчик, бубен» < стп.-м. *damaru* «ламский барабанчик, бубен» < тиб. *da-ma-ru* «маленький барабанчик» < санскр. *damaru* «маленький барабанчик» [Там же, с. 502].

Актуальность данного исследования определяется тем, что заимствованные буддийские термины в бурятском языке достигли значительного уровня деривационного развития, что говорит об их высокой адаптивной способности, связанной с развитием буддизма.

Научная новизна заключается в том, что в данной работе впервые рассматривается словообразование от заимствованных основ с использованием бурятских аффиксов как наиболее результативный способ пополнения лексики бурятского языка.

Основной **целью** данной работы является выделение наиболее продуктивных способов образования слов от заимствующих буддийских терминов. Для достижения поставленной цели планируется решение следующих **задач**:

- показать способы образования слов путем расширения семантического объема заимствованных буддийских лексем в бурятском языке;
- выявить наиболее частотные словообразовательные типы образования существительных, глаголов, прилагательных;
- определить наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы.

При заимствовании слова наблюдалось расширение семантического объема заимствованных лексем. Интересен в этом отношении пример образования слова *бадаршан* ‘сборщик пожертвований, странствующий монах’. Производящим является буддийский термин *бадар* ‘подавание, приношение, подношение, милостыня’, который в свое время был заимствован из санскритского *patra* ‘чашка’, которую Будда Шакьямуни поставил в необходимость иметь при себе каждому своему последователю и установил ее как сосуд для собирания подаяния (бур. *бадар* «подавание, приношение, подношение, милостыня» < стп.-м. *badir* «подавание, приношение, подношение, милостыня» < санскр. *patra* «жертвенная чашка»). Как видим, лексема *бадар*, заимствованная в значении «жертвенная чашка», расширяет свой семантический объем за счет метонимического переноса: *чашка для пожертвований* → *пожертвования*. Более того, лексема *бадар* получает в буддийском учении более высокое духовное назначение: «...подобно тому, как наполняешь ее яствами, так исполняешь премудростью свою духовную природу и подобно тому, как наслаждаешься из нее пищей, наслаждайся священным учением» [5, с. 126].

В процессе употребления заимствованные буддийские слова и термины в бурятском языке обрастают производными словами (дериватами), появляются гнезда однокоренных слов. От буддийских терминов образуются буддийские термины и общеупотребительные бурятские слова. К сожалению, мы не имеем возможности уточнять сроки пополнения словообразовательных гнезд теми или иными производными (сказывается отсутствие этимологического словаря монгольских языков), но у нас есть возможность выделить основные способы образования слов от заимствованных буддийских терминов.

Расширение словарного состава бурятских слов тесно связано с особенностями бурятского словообразования. Основными способами образования дериватов от заимствованных буддийских терминов являются аффиксальный и операционный, среди операционных наибольшей активностью обладают лексико-семантический и образование слов на синтаксической основе [1; 3, кн. 1, с. 184; 7, с. 84].

Образование новых лексем с помощью словообразовательных суффиксов от производящих основ тибетского и санскритского происхождения имело особо массовый характер в сфере образования бурятских существительных и глаголов, при образовании прилагательных «массовость» не наблюдается.

Производные имена существительные образуются как от глагольных, так и от именных основ путем присоединения к ним различных словообразовательных суффиксов.

Рассмотрим подробнее наиболее частотные словообразовательные типы образования существительных.

1. Глагол + дериватор (суффикс) → существительное (словообразование имен существительных от глагольных основ)

Наиболее частотны дериваторы – суффиксы *-л*, *-лга*, *-га*, *-та*: *мургэхэ* ‘молиться, класть поклоны’ + *-л* → *мургэл* ‘1) поклонение, земной поклон; 2) молебен, религиозный обряд, богослужение, богомолье, верование’; *бүтээхэ* ‘будд. практиковать, осуществлять’ + *-л* → *бүтээл* ‘будд. созерцание’; *тахиха* ‘1) рел. Приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд’ + *-л* → *тахил* ‘жертва, жертвоприношение’; *тахиха* ‘1) рел. приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд’ + *-лга* → *тахилга* ‘обряд жертвоприношения’, *шүтэхэ* ‘1) с неоф. п. рел. веровать, верить; уповать’ + *-лгэ* → *шүтэлгэ* ‘верование, вера’ [11, с. 234, 629].

2. Существительное + дериватор (суффикс) → существительное (словообразование имен существительных от существительных)

В бурятском именном словообразовании одним из продуктивных считается суффикс *-шан*, образующий существительные со значением «название лиц, занятых в определенной отрасли ремесла или промышленности» [3, кн. 1, с. 265]. Суффикс *-шан* также активно использовался при образовании слов, обозначающих духовных лиц: *манжа* ‘чай для лам’ → *манжашан* ‘подающий чай’, *бадар* ‘подавание, приношение, подношение’ → *бадаршан* ‘сборщик пожертвований, странствующий монах’, *абарал* ‘будд. прорицание, молитва’ → *абаралшан* ‘прорицатель, вещун; провидец’.

В собранной картотеке слов со значением лица, занимающегося религиозной деятельностью, находятся слова, образованные при помощи суффикса *-ша* (*-шо*, *-шэ*). Например, от *лүндэн* 'пророчество, пророческое писание', которое заимствовано из тибетского языка *lun-bstan*, стп.-м. *lungdeng*, халх. *лүндэн* 'предсказание, пророчество', образовался термин, обозначающий духовное лицо – *лүндэнишэ* 'пророк'.

Кстати, по поводу *-ша* и *-шан* существуют две противоположные точки зрения. Сторонники первой точки зрения считают, что *-ша* и *-шан* – один и тот же суффикс; так, по мнению В. И. Рассадина, *-шан* / *-шэн* представляет собой эволюционную разновидность аффикса *-ша* [6, с. 178]. По второй точке зрения, это два различных по значению суффикса: *-ша* (*-шо*, *-шэ*) образует существительные от глагольных основ [2, с. 63], суффикс *-шан* (*-шон*, *-шэн*) – от именных основ [Там же, с. 66], этой же точки зрения придерживается и У.-Ж. Ш. Дондуков [3, кн. 1, с. 265].

Обширная группа существительных со значением духовных лиц, образованных от именных основ, иллюстрирует правоту точки зрения В. И. Рассадина, что это единый суффикс *-шан* (*-шон*, *-шэн*) / *-ша* (*-шо*, *-шэ*), образующий слова со значением лица по их деятельности: *даяан* 'место для созерцания' → *даяанша* 'предающийся созерцанию', *гүрэм* 'ламаистский молебен' → *гүрэмшэ* 'лама – служитель молебна', *жоод* 'молитвы-заклинания' → *жоодшо* 'лама, читающий жод', *шойжон* 'хранитель веры' → *шойжоншо* 'шаман ламаистского толка', *дуган* 'молельня' → *дуганша* 'монах, смотрящий за молельней'.

Следующая группа существительных со значением лица, образующаяся при помощи суффикса *-тан* со значением множественности, собирательности, интересна тем, что данный суффикс вносит оттенки почтения или обладания: *санаар* 'обет' + *-тан* → *санаартан* 'служитель культа, духовенства', *лама* 'буддийский монах' + *-тан* → *ламантан* 'батюшка лама'.

Что касается образования глаголов, то они чаще всего образуются от заимствованных из тибетского языка терминов при помощи словообразовательных суффиксов *-ла* / *-лэ*, *-да* / *-дэ*, *-та* / *-тэ*, *-на* / *-нэ*.

Наиболее продуктивным в бурятском глаголообразовании является суффикс *-ла* (*-ло*, *-лэ*, *-ло*), посредством которого образуются и буддийские термины – глаголы со значением:

- а) «подвергать или подвергать действию предмет, которым обозначена производящая основа данного типа глаголов»: *барлаха* 'печатать ксилографическим способом', *ганжарлаха* 'украшать ганджиром';
- б) «потреблять или поедать данный предмет»: *манжалха* 'пить чай' (о ламах), *зооглохо* 'отведывать, вкушать, кушать';
- в) «использовать в качестве предмета занятий»: *бадаршалха* 'собирать пожертвования', *бадарлаха* 'делать приношения, подавать, собирать подаяние' [10, с. 103-538].

Никем не оспаривается положение, что глаголообразующий суффикс *-ла* / *-ло* / *-лэ* (стп.-м. *-la* / *-le*) образует огромное количество глагольных основ от остальных частей речи, его особенностью при образовании буддийских слов является то, что он часто заменяется суффиксом *-л*. По мнению В. И. Рассадина, по содержанию суффикс *-ла* / *-ло* / *-лэ* полностью идентичен суффиксу *-л* (стп.-м. *-l*) [6, с. 197]. Подтверждающие примеры имеются среди дериватов буддийской лексики: *гороо* 'хождение посолонь кругом дацана' → *гороолхо* 'совершить молитвенное хождение вокруг дацана', *рамнай* 'освящение' → *рамнайлаха* 'освящать' и др.

Более того, существует мнение, что «суффикс *-л* / *-ла* возник в алтайский период развития языка или даже можно предположить, в период предыстории самостоятельного развития группы семей монгольских языков» [3, кн. 2, с. 39]. И как далее пишет У.-Ж. Ш. Дондуков, «все еще сохраняет свою продуктивность и с успехом обслуживает глагольную словообразовательную систему современного бурятского языка» [Там же, с. 40]. Примеров образования буддийских терминов при помощи суффикса *-л* / *-ла* достаточно: *масаглаха* 'постничать' от *масаг* 'постный день, пост', *адислаха* 'благословлять' от *адис* 'благословение', *унзаглаха* 'запевать' от *унзад* 'лама-запевала', *бошоглохо* 'предопределять, предсказывать; повелевать' от *бошог* 'предопределение, предсказание, повеление'.

Также по продуктивности образования глаголов от именных основ выделяется аффикс *-да* / *-дэ*, с помощью которого образуются буддийские термины – глаголы со значением:

- а) «использование предмета по его прямому назначению»: *хонхо* 'колокольчик' → *хонходохо* 'звонить в звонок';
- б) «играть на чем-либо»: *бүрээ* 'труба, духовой музыкальный инструмент' → *бүрээдэхэ* 'дуть в трубу', *лимбэ* 'флейта' → *лимбэдэхэ* 'играть на флейте';
- в) «использование в качестве объекта действия»: *гашай* 'проповедь, наставление, изложение учения' → *гашайдаха* 'читать нотацию, делать внушение', *жадха* 'колдовство' → *жадхадаха* 'колдовать'; *саб* 'горячая пища' (у лам) → *сабдаха* 'окроплять, опрыскивать' и т.д.

К некоторым именным основам присоединяется глаголообразующий суффикс *-та* / *-тэ*. Например, *ламанатаха* «справлять обязанности ламы», образованный от *лама* 'бурятский монах'. Кстати, в русском языке нашего региона функционирует глагол *ламствовать*, образованный от этого же существительного.

Небольшая группа глаголов образована при помощи суффикса *-на* / *-нэ*. Например, *самнаха* 'проводить религиозный обрядовый танец' от *сам* 'религиозный танец – пантомима монахов'.

Таким образом, при образовании глаголов от заимствованных буддийских терминов работают те же суффиксы, что и в системе глагольного образования бурятского языка.

Образование прилагательных от тибетских и санскритских оригиналов так же демонстрирует те же приоритеты, что и при образовании прилагательных в системе бурятского языка.

Большая же часть прилагательных образована от заимствованных из тибетского языка абстрактных существительных аффиксальным способом при помощи словообразовательного суффикса *-тай* (*-той*, *-тэй*): *буян*

‘добродетель’ → *буянтай* (хүн) ‘добродетельный (человек)’, *дэмбэрэл* ‘счастье’ → *дэмбэрэлтэй* ‘счастливый, благодородный’, *нүгэл* ‘грех’ → *нүгэлтэй* ‘грешный’ и т.д.

При образовании некоторых прилагательных работает отрицательная частица *-гүй*. Например, прилагательное *баршадгүй* ‘благополучный, безгрешный’ образовано от существительного *баршад* ‘неизбежный несчастный случай, грех’, заимствованного из тибетского языка: *баршад* ‘бур. неизбежный несчастный случай, грех’ < *барчид* ‘халх. препятствие’ < *bar-chad* ‘тиб. препятствие’. Общеупотребительным в бурятском языке является прилагательное *хүнэхгүй* ‘малодушный, боязливый, трусливый’, оно образовано от буддийского термина *хүнээн*, который обозначает бессмертную часть шести видов живых существ, т.е. душу. Прослеживается связь бур. *хүнээн* с халх. *сүнс(эн)*, стп.-м. *sulde* ‘душа’, можно предположить, что *хүнээн* образовалось от глагола *хүнэхэ* ‘гаснуть, угасать, потухать’, ведь по буддийскому учению, когда человек умирает, душа его вновь перерождается, не умирает.

Небольшую группу составляют имена прилагательные, характеризующиеся конверсионным способом словообразования: производящим являются существительные в форме родительного падежа, производным – относительные прилагательные: *лама* ‘монах’ → *ламын* ‘ламский’, *бурхан* ‘бог, божество’ → *бурханай* ‘божий, божественный, божеский’, *диваажан* ‘будд. деваджин, рай’ → *диваажанай* ‘райский’. В данном случае мы придерживаемся точки зрения В. М. Надеяева [4, с. 30-33, 97-98], авторов Бурятско-русского словаря [10, с. 9], Д. Ш. Харанутовой [7, с. 58] об омонимичности относительных прилагательных формам существительных в родительном падеже. Как отмечает С. Л. Чареков, «половина всех прилагательных образована по конверсии от существительных, что служит ярким примером большей продуктивности конверсии в области образования прилагательных от имен существительных» [9, с. 164].

Как видим, заимствованные из тибетского, санскритского языков буддийские термины неплохо адаптировались в бурятском языке. Положительной стороной заимствований является, бесспорно, обогащение словарного состава бурятского языка, появление слов с абстрактной лексикой. Понимание механизма адаптации заимствованных буддийских терминов позволяет выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели и словообразовательные аффиксы. Безусловно, заимствования живут полноценной жизнью в бурятском языке, образуя при этом новые слова и новые буддийские термины.

Таким образом, следует отметить, что деривационное развитие тибетских оригиналов проявлялось в использовании бурятских словообразовательных моделей, так как бурятские буддийские термины создавались по законам бурятского языка, по исконным бурятским словообразовательным типам, при помощи наиболее частотных аффиксов бурятского языка.

Список источников

1. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского). М.: Наука, 1974. 383 с.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.
3. Дондуков У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2004. Кн. 1. 288 с.; Кн. 2. 270 с.
4. Надеяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 112 с.
5. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. 492 с.
6. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. 234 с.
7. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка. Улан-Удэ: Издательство Бурятского гос. университета, 2012. 270 с.
8. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1972. 662 с.
9. Чареков С. Л. Эволюционная морфология: в 2-х ч. СПб.: Наука, 2000. Ч. 2. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках. 164 с.
10. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1. А – Н. 636 с.
11. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. Т. 2. О – Я. 708 с.

Derivational Development of the Borrowed Buddhist Terms in the Buryat Language (by the Material of Affixal Word-Formation)

Budazhapova Larisa Batuevna, Ph. D. in Philology
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
budlara@mail.ru

The article examines the word-formative potential of the borrowed Buddhist terms in the Buryat language. The researcher considers the problem of influence of the Tibetan Buddhist terms on the formation of the lexical fund of the Buryat language. Assimilation of the borrowed lexemes occurred in different ways, including semantic broadening and word-formative derivativeness. The author concludes that the word-formative model “Tibetan basis + Buryat affix” is the most productive one.

Key words and phrases: borrowings; Buryat language; Buddhist terms; Tibetan language; affixal word-formation; semantic broadening; productive suffixes.